

Кафедра:
современные партийные системы

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ПАРТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Я.Ю. Шашкова
Алтайский государственный университет,
А.И. Деятиярова
ЭкоПром (Санкт-Петербург)

Аннотация: В статье анализируются статус и функции партий в российской политической системе, выявляются причины их отличий от западного варианта, который заимствовался в ходе политических трансформаций 1990-х гг. На основе данных о составе партийных фракций законодательных органов власти регионов Западной Сибири и социологических опросов авторы доказывают рассогласованность формального и неформального институционального содержания российских партий. Обоснован тезис о тесной взаимосвязи превращения российских партий в каналы продвижения партикулярных или бизнес интересов, активного использования ими современных, маркетинговых, методов политической деятельности с устойчивой делегитимацией данного института в массовом сознании.

Ключевые слова: политические партии, политические институты, функции партий, политические трансформации, регионы Западной Сибири.

Роль и место партий в российской политической системе обсуждаются больше двух десятилетий. При этом чаще всего оценивается степень эффективности в России традиционной для демократических государств многопартийной конкурентной системы и соответствующей ей модели функционирования партий. Возникает парадокс: институт политических партий для нашей страны не нов, он четко вписан в современный политический процесс, а его востребованность по-прежнему низка. Причинами этого, на наш взгляд, являются последствия трансплантации института в «неконгруэнтную» среду и его постоянные трансформации.

Что касается первой причины, то, как справедливо отмечали М. Полтерович и П.В. Панов, по поводу значимости чужеродных институтов часто возникают радикальные сомнения. В отсутствие общественного консенсуса политические акторы не в состоянии использовать «пересаживаемый» институт для легитимизации политического порядка и внедрения ментального образа соответствующего политического сообщества. Ключевую роль начинает играть соответствие («конгруэнтность») смыслов импортированного института в стране-доно-

ре и стране-реципиенте. Высокая степень конгруэнтности приводит к постепенной конвергенции; низкая — к дивергенции, которая может повлечь за собой появление институциональных гибридов или превращение импортированных институтов в «оболочку», внутри которой функционируют традиционные для общества-реципиента неформальные практики [Полтерович 2001: 24–50; Панов 2007: 101].

Именно это и произошло в нашей стране с институтом партий. Его трансплантация в неконгруэнтную российскую среду привела к тому, что выполнение партиями части функций (например, электоральной) соответствовало мировым тенденциям, а часть наполнилась отечественной спецификой.

При этом были заимствованы новейшие формы политических партий, изменившие в условиях информационного общества свой функционал и широко использующие, в частности, маркетинговые методы. Однако на Западе партии уже укоренились в системе общественно-политических коммуникаций, имеют устойчивый круг сторонников и отлаженные технологии деятельности. В условиях слабости гражданского общества пересаживание постмодернистских партийных форм на отечественную почву превращало российские партии в «электоральные машины», взаимодействующие с обществом в основном посредством рекламных акций. Другими словами, российские партии изначально оказались не столько институтами представительства широких социальных групп, сколько «политическими предприятиями» на службе у элитных группировок.

К тому же использовавшаяся до 2002 г. в большинстве субъектов РФ мажоритарная система выборов в региональные легислатуры способствовала вытеснению политических партий на периферию электорального поля. Большинство мандатов в заксобраниях получали так называемые независимые кандидаты, чаще всего — чиновники исполнительной власти, директора предприятий и бизнес-структур [Динес, Николаев, Слиска 2004], стремившиеся «собственноручно» контролировать формирование законодательной базы и распределение финансовых ресурсов с целью максимального снижения транзакционных издержек в условиях нестабильной институциональной среды.

Так, из 41 депутата Заксобраний Алтайского края первого созыва (1994 г.) 14 являлись главами администраций районов, городов и их заместителями (34 %), 19 (36 %) — хозяйственными руководителями и только 4 — представителями бюджетной сферы (3 врача и 1 учитель, около 10 % депутатов) [Избирательные 2006: 378; Грани 2009: 494]. Больше половины избранного в том же году депутатского корпуса Кемеровской области также пришлось на чиновников городского и районного уровня (главы и работники администраций муниципальных образований и депутаты местных советов) — 9 человек (28 % от общего числа депутатов) — и руководящий, главным образом директорский, состав хозяйствующих субъектов — 10 человек (31 %) [Шараев 2007: 187–188]. Преобладали представители экономической сферы и в Томской областной думе первого созыва. Здесь руководители предприятий и коммерческих структур получили 38 % мандатов.

Этого не скрывали и сами депутаты. Например, генеральный директор ЗАО «Томас-профит» депутат 2-го созыва томской легислатуры Е.Н. Васильченко впоследствии (2003) признавал: «Главная причина, приведшая меня в думу, близка и понятна всем, кто непосредственно связан с производством. Законодательная база в те годы только формировалась, и важно было в этом процессе принять участие, суметь повлиять на установление правил игры. Это понимал не только я, неслучайно во второй думе так весомо был представлен «директорский» корпус. Мы не могли доверить судьбу своих предприятий дилетантам от политики, тем, кто не знаком с производством, с механизмами его работы. Вторая дума имела ярко выраженную экономическую направленность, приняла ряд важнейших законов, защищавших интересы предпринимателей всех уровней» [Гуляева б/г].

Кардинальных изменений в структуру профессионального наполнения регионального депутатского корпуса не внес и переход на смешанную избирательную систему.

Например, после выборов 2004 г. более половины из 62 депутатов ЗС Алтайского края представляли закрепившую свое доминирование группу директоров хозяйствующих субъектов — энергетических компаний, сельскохозяйственных, промышленных, строительных предприятий и пр. Чиновников представлял лишь один работник краевой администрации, что было связано с запретом совмещать депутатский мандат с должностью в органах местного самоуправления [Выборы 2004]. На протяжении последующих созывов конфигурация социально-профессионального состава депутатского корпуса стабилизировалась: доля «хозяйственников» и бизнесменов в созывах 2008 и 2011 гг. колебалась в диапазоне от 55 до 60 %, при этом значительную роль в закреплении такого положения сыграли партии, особенно «Единая Россия» [Выборы 2011; Выборы 2008]. В созыве 2016 г. этот показатель несколько снизился, но все равно равен 52 % [Постоянные].

В Томской области значительную долю депутатов — около 62 % в четвертом созыве ТОД, 55 % в пятом и 40 % в шестом — можно отнести к категории «хозяйствующих субъектов». Около половины депутатов новосибирского парламента также относятся к руководящему составу предприятий и бизнес-структур (в созыве 2015 г. — 55 % [Фракции]); около половины последних прошли по спискам политических партий, участвовавших в избирательной кампании.

Партии не стремились к массовости, узкий круг лидеров узурпировал ключевые партийные должности, блокировал участие рядовых членов в выработке партийной стратегии. Это вело к падению партийной активности граждан, в сложных социально-экономических условиях переключившихся на обеспечение минимального уровня жизни.

Но важнее другое: в условиях неконгруэнтной среды и отсутствия неформальных практик, способных обеспечить дальнейшее развитие новым институциональным формам, последние наполнялись привычным для их членского состава содержанием: административно-бюрократическим для «партии власти», «клубным» — для либералов. По образному выражению Г.Л. Кертман, произошло «одомашнивание» новых институтов и политических практик, вписывание импортированных институтов в традиционный ценностно-нормативный контекст — с выработкой спектра мотиваций политического поведения, органичного для «среднего россиянина» [Кертман 2007: 120].

Значительное влияние на этот процесс оказала власть, что вполне согласуется с тезисом Д. Норта о решающей роли государства в современных институциональных трансформациях [Норт 2010: 91]. Именно государственная элита, оказавшаяся в России сильнее общества, рассматривала введение демократических институтов — выборности, политического плюрализма, представительных органов, гражданских и политических свобод — как форму самосохранения, средство обеспечения безопасности и интеграции в мировое сообщество [Холодковский 2004: 252–253].

Организационным показателем отношения политических и экономических элит к партиям как к инструменту стал уникальный продукт — «партия власти», сконструированная «по образу и подобию самой Власти» или «мечтаний о ней русского общества». Она соединила в себе действующие в одной «архаичной, неполитической» ментальной плоскости «ожидания россиян от „своей“ Власти и расчет Власти в отношении „своих“ россиян» [Глебова 2004: 223].

Все это свидетельствует об истинности выведенной еще В.О. Ключевским и повторенной в наши дни Ю.С. Пивоваровым формулы — «В России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений»: «Неразвитость гражданского общества в России одним из своих следствий имеет неразвитость партийной системы. Политические партии возникли у нас довольно поздно и не играли значительной роли». Вместе с тем в любом обществе, в том числе в российском, имеются различные интересы, «неодинаковое понимание того, каким путем должно идти, какие средства и как применять. Запад решает эти задачи во многом через партии, вы-

ражающие и представляющие волю и интересы того или иного сектора (сегмента) социума. У нас — тоже во многом — роль партий играют учреждения...» [Пивоваров 2004: 110].

Как попытку формальной институционализации партий и определения их роли в российской политической системе можно рассматривать принятие в 2001 г. закона «О политических партиях», который сформулировал признаки политической партии и предоставил партиям монополию на «самостоятельное выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты, на иные выборные должности в органах государственной власти». Согласно этому закону, политическая партия должна была насчитывать не менее 10 тыс. членов, иметь региональные отделения как минимум в половине субъектов Федерации (не менее 100 человек в каждом) и регулярно принимать участие в выборах.

При этом закон вполне соответствовал линии на выстраивание «вертикали власти» и установление госконтроля над всей политической инфраструктурой. С этой точки зрения Россия сравнима с Египтом, Марокко, Алжиром и Иорданией, в которых действовал фактически разрешительный порядок создания общественных и общественно-политических организаций. Как пишет К. Викторович, «эти организации были вовлечены в паутину бюрократических практик и правовых кодов, которые позволяют власти отслеживать и регулировать коллективную активность. Эта паутина снижает возможность вызова государству со стороны гражданского общества за счет того, что делает большую часть коллективной активности видимой для административного аппарата. При таких обстоятельствах институты гражданского общества являются в большей степени инструментом государственного социального контроля, нежели механизмом наделения коллективной властью» [Поляков 2004: 30]. Подтверждается еще один тезис Д. Норта: «Институты ...создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [North 1990: 16].

Однако с принятием закона о партиях укрепления института партий, равно как и их общественной легитимизации, не произошло.

Для многих российских партий установленные законом требования были явно завышенными. Большинство из них, по формулировке Ю.Г. Коргунюка, имели «клубную природу», т. е. представляли собой «объединения единомышленников, воодушевленных некой идеей, проектом общественного устройства» [Коргунюк 2007: 44]. В связи с этим даже формальное наращивание численности не делало их реальными массовыми структурами. Рядовые члены партии воспринимались ее организаторами как «техническая» масса, необходимая для перерегистрации (так, на местном и региональном уровнях широкое распространение получил принудительный прием в партии работников целых предприятий и учреждений). То же касается и избирателей, которых российские партии никогда не рассматривали как значимый ресурс.

Намного более важными для партий были интересы поддерживающих их лоббистских группировок и позиция исполнительной власти. Более того, значимость этих факторов резко возросла из-за необходимости создавать массовые организационные структуры. Это приводило к превращению партий в «акционерные общества» и франчайзинговые структуры, а также к повышению стоимости депутатских мандатов, делая их фактически недостижимыми для общественных объединений. Итогом таких сделок становилось быстрое и относительно мало-затратное распространение партий по территории страны, а обратной стороной — превращение их в аналог бизнес-проектов. Именно по такому пути прошли во многих регионах «Справедливая Россия», ЛДПР и некоторые новые партии.

Как отмечалось выше, стремление крупного бизнеса получить представительство в региональных парламентах прямо связано со спецификой российской институциональной среды. Отношения между экономическими и политическими акторами, а также между этими акторами и государством в большинстве случаев регулируются неформально. С одной стороны, способы заключения соглашений и решения споров носят, как правило, неправовой ха-

рактар, с другой — закон не защищает граждан и организации от произвольного вмешательства государства в их деятельность [Бри 2000]. В связи с этим экономические акторы сами пытаются встроиться в структуры власти, чтобы обеспечить для себя стабильность, минимизировать вмешательство в свою деятельность, а в идеале — получить дополнительные ресурсы и предпочтения.

В итоге современные политические партии не предлагают на выборах реальных политических программ, поскольку их деятельность определяют спонсоры в формате непубличных договоренностей.

Кроме того, в 2000-е гг. органы представительной власти утратили и без того слабовыраженные политические позиции, фактически превратившись в механизм ратификации решений, принятых другими субъектами. Несмотря на переход к пропорциональной системе на выборах в Госдуму и к смешанной системе на выборах в региональные легислатуры, реальная роль партий в принятии государственных решений сократилась. Власть сосредоточилась в руках новой партийно-государственной номенклатуры, причем с акцентом не на партийность, а на государственный статус.

Большое значение, наконец, имело то, что к концу XX в. партии западных стран как бы завершили цикл своего развития: возникнув как «предприятия претендентов» на выборные посты, они вернулись к роли преимущественно «электоральных машин». Поэтому, по словам Ф. Шмиттера, «было бы анахронизмом думать, что партиям [посткоммунистических стран] предстоит повторить все стадии развития своих предшественниц, выполняя при этом все их функции» [Шмиттер 1996: 18–19]. В результате возник диссонанс между заимствованными на Западе современными институциональными моделями политической партии и требованиями, предъявляемыми им российским массовым сознанием. Как показывали опросы, в 1990–2000-е гг. рядовые избиратели обуславливали доверие партиям не четкостью предлагаемых стратегий развития общества и адекватностью этих стратегий существующей ситуации, а выполнением обещаний и эффективностью работы с населением. Зачастую же избиратели и во все сводили деятельность партий к оказанию помощи определенным социальным группам: «На партии в этой интерпретационной схеме ...возлагались, по существу, функции специфических, «периферийных» структур государственной власти» [Кертман 2007: 124].

Так, при ответе на вопрос фонда «Общественное мнение» (2007) о вреде, наносимом партиями, респонденты обвиняли их в бездействии и неэффективности («много разговоров, а дела — чуть»; «одна показуха»; «много словоблудия» — 11 %), в паразитизме и расточительстве («деньги едят бюджетные»; «дармоеды на нашей шее» — 7 %), безразличии к людям («не думают о простом народе, нищая пенсия»; «не слушают людей, не отражают интересы народа» — 6 %), корыстолюбии («всё гребут в свои карманы» — 6 %), лживости («обман народа»; «много врут» — 3 %) и т. п. Особо стоит отметить, что 8 % опрошенных поставили партиям в вину их сущностные признаки — стремление к власти, межпартийную борьбу как таковую («вечно спорят между собой»; «разногласия»; «много политической борьбы»; «каждая добивается власти») [Политические].

По данным Левада-центра, в 2000-х гг. полностью партиям доверяло от 4 до 6 % населения, частично — около 30 %. В то же время президенту полностью доверяли 54–58 % граждан, частично — 28–30 %; церкви — соответственно 38–44 % и 21–23 %, армии — 20–30 % и 33–35 %. Даже профсоюзы получили 9–12 % полной поддержки и 20–25 % частичной.

Репрезентативность этих рейтингов верифицируется и оценкой влияния общественно-политических институтов на ситуацию в стране. По данным того же Левада-центра, в 2005–06 гг. она составила для партий 2,5 балла, для президента — примерно 4, силовых структур и СМИ — 3,5, церкви — 3 [Дубин 2002: 15; Доверие 2004; Социально-политическая... 2006].

Аналогичная картина наблюдалась и в регионах. Согласно опросам Центра политического анализа и технологий Алтайского госуниверситета (ЦПАТ АлтГУ), в 2002 г. положительно оценивали деятельность российских партий 7,8 % жителей Барнаула, еще 12,6 % —

скорее положительно, чем отрицательно¹. Таким образом, только 20,4 % респондентов признавали, что партии играют позитивную роль. Отрицательно к деятельности партий относились 16,8 % опрошенных, 20,8 % оценивали их деятельность скорее отрицательно, чем положительно.

Спустя три года² оценки деятельности партий стали еще более критическими. Позитивно к ним относились 20,7 % респондентов, а доля негативных оценок выросла до 62 %.

Кроме того, в политических партиях не видели механизма формирования властных структур и контроля над ними. В основном граждане выражали уверенность, что эффективных способов повлиять на власть в России не существует вообще. Лишь 9,4 % соглашались с тем, что существующие общественные образования оказывают заметное влияние на политическую жизнь.

При этом избиратели все чаще связывали доверие партиям с выполнением теми своих обещаний, эффективностью работы с населением (т. е. помощи ему), преодолением зависимости от капитала и государственной власти. Те же опросы показали, что в 2002 г. только 5,6 % жителей Барнаула были уверены, что российские партии полностью выполняют свои функции и обещания, 22,4 % считали, что они делают это частично. Еще 18,4 % ответили, что эти функции и обещания партии выполняют лишь иногда. В то же время 26,4 % отмечали, что партии чаще не выполняют своих обещаний, а 16,8 % — что они не выполняют их никогда. К 2005 г. доля разделяющих последнюю точку зрения выросла в три раза — до 50,9 %. Среди проблем, мешающих эффективной деятельности партий, жители края неизменно называли безответственность, оторванность от избирателей, продвижение корыстных интересов, зависимость от капитала и государства, программное однообразие.

Одним из устойчивых представлений можно считать и убежденность граждан в том, что оптимальной для постсоветской России является система с доминирующей партией, позиционирующей себя в качестве прямого канала связи с президентом. Примечательно, что число сторонников «одной сильной правящей партии» советского типа стабильно удерживалось на уровне не менее 30 % — в 2001–2004 гг. оно составляло 34 % избирателей, в 2005 г. — 38 % и в 2006-м — 32 % [Россияне... 2006].

В этих условиях значительным достижением являлось то, что значительная часть граждан все же признавала партии неотъемлемым элементом политической системы. Согласно всероссийским опросам общественного мнения, отрицали их необходимость только 7% респондентов (2001 г. — 8 %, 2004 — 6 %, 2005 — 7 %, 2006 — 7 %). Большинство же граждан, особенно молодого и среднего возраста, не хотели возврата к однопартийной системе и связывали дальнейшее развитие страны с функционированием двух-трех крупных партий. По данным Левада-центра, в 2001 г. таковых насчитывалось 41 %, в 2004-м — 44 %, в 2006-м — 42 % [Россияне 2006].

Представления жителей Алтайского края по данному вопросу соответствовали общероссийской тенденции. В 2002 г. в необходимости партий были уверены 67,2 % барнаульцев. По мнению 42 % из них партийная система должна включать три и более партий, 29,5 % считали оптимальной двухпартийную систему (в основном рабочие, учащиеся и студенты). За возврат к однопартийной системе выступали 15,2 %, около половины из них — пенсионеры. Только 11,2 % респондентов ответили, что партии в России не нужны. Еще 21,6 % опрошенных не смогли определиться с ответом.

В 2005 г. соотношение мнений принципиально не изменилось. Большинство жителей края (79 %) по-прежнему были уверены в необходимости партий. При этом несколько сократилось число сторонников двухпартийной системы (21 %) и увеличилось доля приверженцев однопартийности (23,6 %). Число считавших, что партии в России не нужны, возросло до

¹ Опрос проводился в Барнауле 3–8 июня 2002 г. Опрошено 500 человек.

² Опрос проводился 20–25 октября 2005 г. в 2 городах и 2 районах Алтайского края, опрошено 584 человека.

17,3 % — такое мнение было более характерно для женщин, а также для людей с высшим образованием и низким уровнем дохода.

Вместе с тем социологические исследования показывают, что за 20 лет существования политической системы сформировался «эффект привыкания» к партиям. Согласно данным ФОМ (2013), число людей, признающих необходимость одной или двух партий, уменьшилось: в 2004 г. за существование одной партии выступали 21 % россиян, за двухпартийную систему — 18 %, в 2013 г. эти показатели составили 15 и 13 % соответственно. А вот приверженцев многопартийности стало больше: в 2004 г. их было 25 %, в 2013 г. — 29 %. Еще 16 % утверждают, что политические партии России не нужны [О системе... 2013].

Изменилось и обоснование необходимости партий: 18 % опрошенных считают, что они как механизм публичной политики обеспечивают политическую конкуренцию («в споре рождается истина», «нужны многопартийность, оппозиция, однопартийность несовместима с демократией»); 8 % — что они выражают различные социальные интересы («у людей должна быть политическая альтернатива, возможность выбирать между партиями», «партии должны выражать интересы разных слоев населения»); 5 % — что они нужны для управления страной, поддержания порядка; 4 % — для борьбы за права народа, улучшения жизни людей; 3 % — для принятия законов; 2 % — для контроля за работой руководства страны; по 1 % — для помощи руководству и для объединения граждан вокруг общих идей [О системе... 2013].

Повысился и общий уровень доверия партиям. По данным Левада-центра (2013), 12 % россиян убеждены, что партии вполне заслуживают доверия, 46% — не вполне заслуживают, 33 % — совсем не заслуживают. При этом налицо изменение оценки с резко негативной на умеренно негативную или даже положительную — в 2009 г. эти показатели составляли 7, 38 и 36 % соответственно [Доверие... 2013].

На этом фоне более заметными становятся региональные различия. В частности, в Алтайском крае, аграрно-индустриальном регионе, население которого придерживается в основном традиционалистских взглядов, политическим партиям в 2013 г. доверяло лишь 4,7 %³; при этом в Барнауле — 6 %, в малых городах края — 5,2 %, в сельской местности — только 3,5 %. Наибольшая дифференциация наблюдалась в возрастных группах: среди жителей края в возрасте 26–40 лет о своем доверии партиям заявили только 2,8 %, в возрасте 41–60 лет — 3,6 %, 18–25 лет — 4,4 %, 61 и старше — 7,6 %.

Как и прежде, в основе позиции респондентов лежит оценка эффективности политических институтов. Эффективной деятельностью партий оценили только 8% опрошенных. Более высокого мнения о партиях, чем другие категории населения, придерживались женщины (9 %); респонденты старше 60 лет (13 %) и в возрасте 26–40 лет (8 %); по роду занятий — пенсионеры (13 %), студенты (11 %), фермеры (10 %). Различия по месту жительства не так заметны — 10,5 % в малых городах, по 7 % в Барнауле и сельской местности.

Что касается предпочтительного типа партийной системы, то здесь инерционность установок опять же выше среднероссийской — 21 % жителей края оказались сторонниками однопартийности, 14 % — двухпартийности, 33 % — многопартийности; 12 % заявили, что партии не нужны совсем.

Таким образом, развитие российской партийной системы представляет собой эволюцию изначально неэффективного политического института, являющегося не более чем средством самосохранения элиты. Причем по мере расширения правового статуса партий их инструментальный характер лишь усиливался. Понимание этого обстоятельства массовым сознанием, равно как и воспоминания о советском прошлом, препятствовали их легитимизации в качестве неформального института. И хотя сегодня наблюдается своеобразное «привыкание» общества к партиям, превращение последних в реальный институт публичной поли-

³ Опрос проводился Центром политического анализа и технологий АлтГУ в июле 2013 г. в 5 городах и 8 районах Алтайского края, опрошено 1000 человек.

тики возможно только при условии их дальнейшей институциональной трансформации, вопрос о субъектах и траекториях которой пока открыт.

Бри М. 2000. Региональные политические режимы и системы управления. — *Россия регионов: трансформация политических режимов*. М.: Изд-во «Весь Мир», «Berliner Debatte Wissenschaftsverlag». — 376 с.

Выборы... 2004. — *Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 14.03.2004*. — Доступно: <http://altai-terr.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/federalnye-i-regionalnye-vybory/>. — Проверено: 28.08.2018.

Выборы... 2008. — *Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 02.13.2008*. — Доступно: <http://altai-terr.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/federalnye-i-regionalnye-vybory/>. — Проверено: 28.08.2018.

Выборы... 2011. — *Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 04.12.2011*. — Доступно: <http://altai-terr.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/federalnye-i-regionalnye-vybory/>. — Проверено: 28.08.2018.

Глебова И.И. 2004. Беспартийная Власть и ее партийная организация. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 213–229.

Грани времени: от краевого Совета к Законодательному Собранию. 1939–2009 годы. Сборник документов. 2009. — Барнаул: Агентство рекламных технологий. — 815 с.

Гуляева А. *К десятилетию Государственной Думы Томской области*. — Доступно: <http://old.duma.tomsk.ru/page/2368/>. — Проверено: 28.08.2018.

Динес В.А., Николаев А.Н., Слипка Л.К. 2004. Опыт становления представительных органов власти на региональном уровне. — *Представительная власть в России: История и современность*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 559–582.

Доверие... 2004. — *Доверие россиян институтам власти и общества: пресс-выпуск Левада-центра*. — № 31. — Доступно: <https://www.levada.ru/2004/03/22/press-vypusk-31-doverie-rossiyan-institutam-vlasti-i-obshhestva/>. — Проверено: 28.08.2018.

Доверие... 2013. — *Доверие институтам власти: пресс-выпуск Левада-центра*. — Доступно: <https://www.levada.ru/2013/10/07/doverie-institutam-vlasti-2/>. — Проверено: 28.08.2018.

Дубин Б. 2002. Модельные институты и символический порядок: элементарные формы социальности в современном российском обществе. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — № 1. — С. 14–19.

Избирательные системы на Алтае (вторая половина XVIII – начало XXI вв.). 2006. — Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края. — 538 с.

Кертман Г.Л. 2007. Статус партии в российской политической культуре. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 120–131.

Коргунюк Ю.Г. 2007. *Становление партийной системы в современной России*. — М.: Фонд Индем, Московский городской педагогический университет. — 544 с.

Норт Д. 2010. *Понимание процесса экономических изменений*. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. — 256 с.

О системе... 2013. — *О системе выборов в Госдуму*. — Доступно: <http://fom.ru/Politika/10884>. — Проверено: 28.08.2018.

Панов П.В. 2007. Политическое сообщество: конструирование и институционализация. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 94–103.

Пивоваров Ю.С. 2004. О некоторых исторических особенностях русской политики. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 99–124.

Политические партии в жизни России: Опрос населения. — Доступно: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polyar/d071424>. — Проверено: 28.08.2018.

Полтерович В.М. 2001. Трансплантация институтов. — *Экономическая наука в современной России*. — № 3. — С. 24–50.

Поляков Л.В. 2004. *Основы политического консультирования: теория и практика*. — М.: КДУ: Изд-во МГУ. — 240 с.

Постоянные депутатские объединения АКЗС седьмого созыва. — Доступно: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions7/>. — Проверено: 28.08.2018.

Россияне... 2006. — *Россияне о правящей партии и партийной принадлежности президента: пресс-выпуск Левада-центра*. — Доступно: <http://www.levada.ru/2006/07/24/rossiya-ne-o-pravyashhej-partii-i-partijnoj-prinadlezhnosti-prezidenta/>. — Проверено: 28.08.2018.

Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года. — Доступно: <http://www.levada.ru/2006/10/02/sotsialno-politicheskaya-situatsiya-v-rossii-v-sentyabre-2006-goda/>. — Проверено: 28.08.2018.

Фракции Законодательного Собрания Новосибирской области. — Доступно: <http://znsno.ru/640/>. — Проверено: 28.08.2018.

Холодковский К.Г. 2004. Политическая модернизация и будущее России. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 251–265.

Шараев П.С. 2007. *Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е гг. XX в. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей)*. — Томск: ТМЛ-Пресс; Томский государственный университет. — 197 с.

Шмиттер Ф. 1996. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. — *Полис. Политические исследования*. — № 5. — С. 16–27.

North D. 1990. *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. — 152 p.